

У ЖИВОТНЫХ ТОЖЕ ЕСТЬ ПРАВА

В издательстве «Seuil» вышла книга интервью, взятых Карин Лу Матиньон у известных защитников животных, философов, этологов, борцов за права «братьев меньших» («Les animaux aussi ont des droits». Édition du Seuil, 2013). Мы печатаем отрывки из этой книги, включающие интервью с Питером Сингером, Элизабет де Фонтене, Борисом Цирюльником.

1. Освобождённые животные

Питер Сингер (Peter Singer, род. в 1946 г.) — философ, публицист, общественный деятель. В Мельбурнском университете изучал философию, историю и право. В 1971 г. получил степень бакалавра философии в Оксфордском университете. Будучи ещё студентом Оксфорда, открывает «этику животных». Индустриальное выращивание животных вызывает мощную волну протестов. Питер Сингер пишет знаменитую книгу «Освобождение животных» («Animal Liberation: A New Ethics for our Treatment of Animals». New York Review/Random House, New York, 1975). Дебаты становятся публичными. Движение обретает силу. Питер Сингер критикует идеи исторического христианства — нет, животные не созданы для человека, как утверждает, например, наиболее распространённое в католической церкви мировоззрение — томизм, и жизнь человека не столь уж «сакральна». Сингер ссылается на моральную теорию утилитариста Иеремии Бентама (1748–1832), согласно которой человек обязан распространить нравственные требования и на те существа, которые могут страдать. Если заяц менее разумен, нежели человек, то страдать он может не меньше человека. Борьба, которую ведёт Сингер, получила название «антиспецизма». Специзм (иерархия видов) должен быть преодолен, как уже преодолены расизм и сексизм. Сингер (вместе с Паолой Кавальери) — инициатор проекта «О больших обезьянах». В 1993 году возникла идея признать человекоподобных обезьян «субъектами права», признать их право на жизнь, на индивидуальную защиту и на уважение к их «физической целостности» (запрещение пыток).

— Вы стоите у истоков Движения за освобождение животных. Как Вы пришли к этой идее?

П. Сингер: Я долго раздумывал, почему великие философы почти никогда не говорили о том, что моральные нормы распространяются также и на наши отношения с животными. Как будто бы всё это несерьёзно, не заслуживает внимания. У меня было впечатление, что я нахожусь где-то на Юге США, в XVIII веке, что я окружён людьми, уверенными в справедливости рабства. Вывод был всегда одним и тем же — мы очень плохо относимся к животным, и этому нет никакого морального оправдания.

Движение было стремительным, ибо в то время — 1960-е — начало 1970-х — молодёжь увлекалась радикальными идеями. Студенты ещё не забили о войне во Вьетнаме. В то же время активно проявляли себя движения за освобождение чёрных, женщин, гомосексуалистов.

Под «освобождением» я естественно не имею в виду, что нужно открыть все двери и выпустить животных из лабораторий, зоопарков, ферм. Это было бы кошмаром и для экосистем, и для населения. Слово «освобождение» означает избавление от предрассудков в отношении к животным.

Когда в 1970 году я стал заниматься вопросом животных, всеобщее внимание было сосредоточено на борьбе с «ненужной» жестокостью. Если вы видите, как кто-то бьёт собаку, то вы его останавливаете. Но ещё не стоял вопрос о практиках, которые «обслуживали человеческие интересы». Так, вполне нормальным считалось содержание кур в клетках, так как это соответствовало нашим интересам. Ещё не боролись с индустриальным выращиванием, с лабораториями и экспериментами над животными. Запрещалась лишь индивидуальная, садистская, ненужная жестокость. «Освобождение животных» совершило решительный переворот в вопросе о жестокости, оно запретило мучить других для того, чтобы удовлетворять наши потребности.

Движение прошло через несколько фаз. В начале оно отличалось сильной радикализацией и было почти идеалистическим. Мы использовали средства, существовавшие в то время: большие демонстрации, захват мест, гражданское неповиновение, видео, снятые на бойнях и в лабораториях. Так мы заставили публику осознать масштаб проблемы. И что-то начало меняться.

— Каковы были конкретные результаты?

П. Сингер: Возьмём косметику. Фирмы Revlon и Avon (США) отстегнули большие суммы на поиск альтернативных методов. Росло вегетарианство и веганство, все выступали против ферм-заводов, призывали покупать яйца куриц, выросших на свежем воздухе. Конечно, появились и группы прямого действия, насильственной борьбы за права животных. Но «анархисты» постепенно отъединились от общего движения, которое всё более профессионализировалось, училось действовать через лоббирование, поддерживая такие ассоциации, как Compassion in World Farming

(Объединённое Королевство), The Humane Society of the United States, People for the Ethical Treatment of Animals (PETA) (США).

Мы ждали, что, наконец, произойдёт настоящая революция, что народ восстанет против индустриального выращивания и лабораторий, все перестанут есть мясо. Но однажды нам стало ясно, что это не произойдёт так быстро. Что нужно менять образование, просвещать общество и создавать политическое лобби. Нужно говорить о вегетарианстве и веганстве, чтобы сократить производство мяса и рассказать людям о том, что можно заменить мясо другими продуктами, здоровыми и вкусными, чтобы наконец-то покончить с разгулом жестокости и индустриальным выращиванием.

— Ваша книга «Освобождение животных» привнесла сократический дух в англосаксонскую философию?

П. Сингер: Я думаю, что это так. Она возвратила философии её серьёзность и связь с жизнью. Англосаксонская философия 1950-х годов посвятила себя целиком лингвистическому анализу. Всякий выход в этику был закрыт.

В конце 1960-х годов кто-то вдохновился французской философией, и это немного изменило атмосферу. Сегодня же у меня впечатление, что всё перевернулось на 180 градусов. Сегодня главный вопрос — как нам жить? Как нам жить в соседстве с животными, как говорить языком, понятным и нашим соседям, которые тоже думают о главном. И у нас получилось! Наше философское движение даёт свои плоды, влияет на людей. Напротив, кажется, что сегодняшняя французская мысль запуталась в тёмных дискурсах, которые не имеют никакой связи с настоящим.

— Когда появилась этика животных?

П. Сингер: Мысль о нравственном отношении к животным появилась очень давно. Вспомним о китайских трактатах, которым уже больше двух тысяч лет. Но в древнеиндийской традиции мы находим то же. Особенно у буддистов. Первый закон у них: «Имейте сострадание ко всему живому». В античности пифагорейцы (к примеру, Порфирий) писали о животных с моральной точки зрения. Позднее был Плутарх, говоривший о справедливости в отношении к животным. И вдруг настало молчание. Это молчание длилось 1600 лет! Родился Монтень, задавшийся вопросом о высокомерии человека, который поставил себя в центр мироздания. Потом шотландский просветитель Дэвид Юм, утверждавший, что мы должны с любовью относиться к животным. И, наконец, Иеремия Бентам.

В своём сочинении «Введение в принципы морали и законодательства» Бентам не устаёт сравнивать условия, в которых живут животные, с положением чёрных рабов. Его книга была опубликована во времена Французской революции, в 1789 году, и он ссылается на новый закон, который освобождает

рабов. Он пишет: подобно тому, как цвет кожи не оправдывает угнетение одних людей другими, в будущем люди наконец-то поймут, что несправедливо истязали животных только потому, что у них другая анатомия.

Плутарх и Порфирий, очевидно, думали так же. Ведь вопрос о рабстве вставал и в Античности. Аристотель, хоть и принимал идею непрерывности в природе, судил всех по способности к рефлексии — рабы мыслят хуже, чем мы. Так же и с животными — они ниже нас и относиться к ним нужно соответственно.

Бентам написал свою книгу в конце XVIII века. В это время в Англии существовал узкий круг утилитаристов, которые заботились о положении животных. Политический деятель Вильям Вильберфорс (1759–1833), который раньше сражался за отмену рабства, теперь начал борьбу против жестокости по отношению к животным. Эти люди создали Общество Защиты Животных. Но нужно было ждать прихода на трон королевы Виктории, чтобы возникло «royal imprimatur» («королевское одобрение»).

В основе этого движения — две философии: оно частично утилитаристское, частично движение сострадания. Чувствовалось и влияние квакеров. Нельзя не вспомнить и о художнике Уильяме Хогарте (1697–1764) с его знаменитыми гравюрами «Четыре этапа жестокости», где он изображает, как сперва человек мучает животных, а в конце его мучают сами животные.

Можно сделать вывод, что на Западе, в западном христианстве, воцарилось глухое молчание по поводу страдания животных, тогда как на Востоке дело обстояло иначе.

— А как?

П. Сингер: В Индии император Ашока, который был вегетарианцем, издал в III веке до н. э. множество декретов об идеальном отношении к животным. Позднее, в Японии, во время правления Сёгуната Токугава с XVII по XIX век, один из декретов запрещал употребление в пищу мяса позвоночных. Но разрешалось есть рыбу, основу японской кухни.

— А каковы первые законы по защите животных в Европе?

П. Сингер: Самые первые запрещали бои животных на улице. Этот закон родился в Англии. Было запрещено натравливать собак на медведей или быков...

Совсем недавно в США знаменитый афроамериканский футболист Майкл Вик был пойман на том, что организовывал бои собак. Реакция публики была однозначной: многие настаивали на смертной казни, но в конце концов его посадили в тюрьму. Некоторые требовали, чтобы он оставался там подольше, но он вышел. Хотели запретить, чтобы он возвращался в футбол, хотя он при выходе из заключения участвовал в работе The Humane Society, общества, ведущего борьбу с подобными практиками. Так Вик мог бы стать воспитательным примером для чёрных мальчишек в своей стране.

Я бы никак не хотел оправдывать футболиста, но надо сказать, что индустриально выращиваемые поросята страдают на порядок сильнее дерущихся собак, они агонизируют в тесных клетках, но люди, осуждающие Вика, не перестают ежедневно покупать и поглощать бекон и колбасу.

— Какова была реакция, когда предлагался закон в защиту животных?

П. Сингер: В Англии Палата общин разразилась оглушительным смехом. Политикам всё это представлялось каким-то безумием. Поэтому первый закон был вписан в контекст защиты частной собственности, — с тех пор было запрещено плохое отношение к чужому животному. Но, слава Богу, общественное мнение в Великобритании быстро эволюционировало, и через несколько десятилетий, в начале XIX века стала общим местом защита животного от жестокости, особенно, если это «бесполезная» жестокость.

— В 1859 году Дарвин опубликовал свой труд «Происхождение видов». Наша схожесть с животными, способствовала ли она движению за права животных?

П. Сингер: Прошло достаточно времени, пока труд Дарвина стал восприниматься всерьёз. И он не так сильно повлиял на мнение общества, как, например, произведения Джейн Гудолл, её публикации в *National Geographic*, первые статьи о её работе в Африке, и особенно первые фильмы.

— В 1892 году Генри Стивенс Солт («Animals' Rights: Considered in Relation to Social Progress») уже говорит о правах и уважении к животным. Почему его труд остался невостребованным?

П. Сингер: Солт слишком обогнал своё время. Он по рождению индус, его усыновили англичане, он был профессором в Итоне (одном из элитных учебных заведений). Но одновременно это был социалист, поэт, вегетарианец, он вдохновлялся Руссо, натуралистом Генри Дэвидом Торо, поэтом Альфредом Теннисоном. Он написал автобиографию с провокационным названием «Семьдесят лет среди дикарей», речь идёт об Англии. Солт имел влияние на маленькую группу интеллектуалов. Среди них находился Бернар Шоу, который также выступал в защиту животных. Но в ещё большей степени Солт повлиял на Ганди, он открыл для него «Гражданское неповиновение» Торо, который защищал меньшинства и был увлечён индийской мистикой. Ганди испытал большое влияние Торо. Солт поддержал вегетарианство Ганди, который стал вегетарианцем по убеждению, а не только по традиции.

Люди той эпохи были упёртыми расистами, сексистами, женщины не имели права голосовать. Поэтому интересно заметить, что Мартин Лютер Кинг вдохновлялся идеей ненасилия Ганди. Ганди вообще вдохновил все движения 1960–1970-х годов, включая и движение за освобождение животных.

Влияние Солта, может быть, и не было непосредственным, но оно — опосредованно — оказалось значительным.

— Нужно ли слишком заботиться о животных, даже говорить об их правах? Часто Вам сделают замечание, что есть куда более важные проблемы, например, насилие против женщин и детей, голод и бездомность. Интерес к животным отвлекает от людей.

П. Сингер: Во-первых, нельзя считать, что интересы человека важнее, чем интересы животных. С этим предрассудком я сражаюсь с первых дней возникновения нашего Движения...

Во-вторых, даже если людям важнее всего их собственное выживание, то нельзя не заметить, в какие времена мы живём. Возрастающее потепление требует того, чтобы мы ели меньше мяса. Мясная индустрия — это одна из основных причин климатического потепления, в большей степени, чем весь транспортный сектор. Если Вы, к примеру, выбираете — отказаться ли вам от машины или от мясоедения, то отказывайтесь от мяса. Так вы в большей степени поможете борьбе против потепления. А также голода. 70 процентов всех посевных площадей предназначены для корма скота. Не ешьте мяса — и земля освободится для того, чтобы накормить миллионы людей. Итак, те, кто озабочен человеческими проблемами, должны стать прежде всего вегетарианцами, даже если они не принадлежат к зоозащитникам.

— Том Риган как-то сказал очень верную вещь: «Нельзя презирать того, кто не занимается проблемой животных. Нужно его любить, поддерживать в нём всё человеческое. Может быть, он не знает, что происходит с животными, или знает очень мало. Может быть, он ещё не разбужен. Одумайтесь и вспомните — вы тоже были когда-то равнодушным, вы не слышали криков, не видели страдания». Что Вы на это скажете?

П. Сингер: Да... Я тоже ел мясо до 24 лет. Я могу понять этих людей. Конечно, их нельзя презирать, с ними нужно говорить, убеждать. Примерно так: я тоже когда-то ел мясо, я вас понимаю, но попытайтесь понять и меня. Сейчас я веган. Хотя сорок лет тому назад я и не думал об этом.

— Вы боролись за права больших обезьян, а как с правами других видов животных?

П. Сингер: Сегодняшние исследования обнаруживают в животных всё новые и новые способности. Например, открылись необычайные свойства осьминога. Когда мы начали в 1993 году работать над проектом «Большие обезьяны», то было ясно, что это наиболее убедительный пример того, что животные обладают самосознанием (сознанием себя). С тех пор исследование сильно продвинулось и обнаружило самосознание у многих других видов.

И конечно, с точки зрения практической, я за то, чтобы все эти животные были наделены правами.

— Почему способность чувствовать страдание, распознавать себя в зеркале или использовать артикулированный язык в моральном плане

более важны, чем способность видеть ультрафиолетовое излучение, слышать ультразвуки или погружаться на глубину 3 тысячи метров?

П. Сингер: Только способности, связанные с болью и страданием, важны для этики. Не думаю, что важно само по себе, если животное узнаёт себя в зеркале, но если это свидетельствует о существовании рефлексивного сознания, представляющего будущее и помнящего о прошлом, то аморально обижать такое животное...

— В течение последних десятилетий многочисленные исследования доказали, что и рыбы испытывают боль, а также другие эмоции — страх и пр. С тех пор мы знаем, что они — существа, наделённые сознанием, умные и чувствующие, способные хитрить, передавать свой поведенческий опыт, использовать память. И Совет Европы выработал и выдал рыболовам перечень рекомендаций, предназначенных обеспечить благополучное состояние рыб в течение всей линии их выращивания, транспортировки, убиения.

П. Сингер: В Нидерландах и Норвегии начали наконец-то пользоваться техниками, которые позволяют умерщвлять без жестокости. Но в подавляющем количестве случаев и в большинстве стран пользуются старыми методами, — выловленные сетями рыбы задыхаются и бьются на палубе. Каждая рыба агонизирует долго и мучительно. Я не говорю уже о дельфинах, черепахах, птицах, которые попадают в рыбачьи сети. Пользуются и ещё более жестокими методами.

— Но как же случается, что люди забывают о морали, если речь идёт о животных?

П. Сингер: Лишь немногие из нас ужасаются, задумываясь о последствиях наших действий. Они организуют протесты, большинство же живёт по инерции. Конечно, в глубине души они знают, что причастны ко злу, но успешно вытесняют это знание, прикрываясь многочисленными аргументами в свою пользу.

Мы должны приветствовать тех исключительных людей, которые нашли в себе мужество признать человеческую жестокость, эти личности целостны и нравственны во всех своих решениях. Примеры таких людей заразительны, они зажигают многих, они организуют массы...

— Но кто сможет использовать права, которые будут предоставлены животным?

П. Сингер: Я думаю, что животных нужно защищать по той же схеме, как защищают права беспомощных инвалидов. В этом плане у каждой из европейских стран накоплен свой собственный опыт. Правосудие назначает законного попечителя, который будет представлять интересы этой нечеловеческой персоны.

— Вы писали о нравственности обезьян. Этология открыла, что некоторые их виды ведут себя высоконравственно. Например, во время лабораторных опытов обезьянам предложили выбор: присутствовать и помогать при использовании электрического шока против их сородичей или же быть лишёнными пищи. Почти все они выбрали второе.

П. Сингер: Вот вам пример, что быть моральным — это не значит посещать курсы по этике или слушать религиозные проповеди...

В опыте, о котором вы говорите, макаки не поддались предложенному им искушению. Это удивительно. Я совсем не уверен, что люди в подобных условиях поступили бы так же. Во всяком случае, исследователи, которые прибегали к электрошоку, вели себя гораздо хуже макак. Обезьяны бывают в плане морали выше людей.

Мы, люди, превосходим других живых существ в интеллектуализме и в том, что можем думать о последствиях своих действий. В этической сфере мы можем своевольничать, как ни одно животное. Сегодня, к примеру, мы можем способствовать тотальному загрязнению планеты, но можем и предпринять что-то, рассчитанное на длительный срок, чтобы избежать этой катастрофы. Другие животные не способны ни организовать глобальную катастрофу, ни предотвратить её. Конечно, большинство людей остаётся на плохом выборе. Проблематика загрязнения, потепления климата, бедности в мире известна всему человечеству, но лишь малюсенькая кучка людей принимает здесь морально оправданные решения.

— Существуют также исследования, посвящённые тому, как обезьяны-капуцины реагируют на неравенство. Им дают задание — выполнить одинаковую работу. Но платят по-разному. Те, кто чувствуют себя ущемлёнными, живо протестуют. Это негодование не является ни продуктом философских раздумий, ни культурной репрезентацией. Непредвзятость размышления — это нечто чисто человеческое?

П. Сингер: Да, у животных, взаимодействующих друг с другом, есть некое понятие о справедливости. Мы же развиваем это понятие, поскольку справедливость важна для нашего выживания. У животных есть и свои «полицейские», и миротворцы. Это часто старшие особи, которые своим присутствием устанавливают мир и социальное равновесие. Людей отличает от обезьян способность абстрагироваться, которая ведёт к непредвзятости. Никто из исследователей не будет утверждать, что капуцины в этом опыте действовали непредвзято. Обезьяны, получившие лучшую награду, не хотели, чтобы виноград достался тем, кто получили лишь огурцы, — в подобной ситуации шимпанзе вели себя более благородно, они хотели, чтобы и те получили лучшее (виноград). Если бы капуцины были беспристрастными, то, возможно, появился бы «третий», и после «совещания» справедливость была бы восстановлена. Но у большинства людей нет

чувства подобной справедливости. Иначе человечество давно бы справились с нищетой и голодом.

— Вы говорили о выборочной любви к животным. Обычно человек уничтожает диких животных, если они как-то ему мешают. Во Франции — это волки и медведи, угроза овечьим стадам, в Африке — слоны и львы. В этих случаях человек вообще не думает «о равенстве интересов» всей твари, а также о боли, причинённой животным. И он прекрасно знает, что скоро эти виды вообще исчезнут с поверхности земли...

П. Сингер: Спросим себя — так ли необходимо убивать этих животных, чтобы сохранить других? Нет. Мы вовсе не обязаны убивать волков и медведей, а можем защититься от них по-другому. Пусть это будет нам чего-то стоить — мы можем построить лучшие заграждения, завести больше овчарок, альтернативных решений множество.

Сегодня по-настоящему серьёзный вопрос формулируется так: как будут вместе жить люди и животные на перенаселённой планете? Став вегетарианцами, мы освобождаем большие пространства земли — там могут жить дикие звери. Кроме того, мы не участвуем более в убийстве.

— Но как нам уменьшить население планеты?

П. Сингер: Нужно повысить уровень жизни, нужно, чтобы все имели доступ к начальному образованию, нужно дать больше власти женщинам. Так можно снизить процент рождаемости. Женщины научатся контролю над рождаемостью, им нужно дать также финансовые возможности для приобретения контрацептивов.

Но миллионы людей, не отягощённые никакой философией, спокойно день за днём убивают миллионы диких животных, чтобы выжить, чтобы обогатиться, ради браконьерства, охоты, обезлесения. Инициатива бывает индивидуальной, но есть и организованная сеть, есть лобби и, кажется, что этим людям безразличны все наши рассуждения.

Как убедить этих людей отказаться от истязания животных? Вопрос без ответа. У нас нет способа остановить этих людей. Мы сейчас должны завоевать интерес части населения, которой небезразлична судьба животных. Получив её поддержку, мы можем поставить на голосование закон, запрещающий ту или иную деятельность. Это, например, произошло в Австралии. Мы боролись против охоты на китов. Охота продолжалась до 1970 года, потом мы, как нация, решили, что хватит участвовать в этой бойне. Закон прошёл, несмотря на протест промышленников, и Австралия стала мощным голосом в борьбе против китобойного промысла.

2. Вопрос о животных

Элизабет де Фонтене (Élisabeth de Fontenay, род. в 1934 г.) — французский философ, эссеист. Начинала свою деятельность как ассистентка Владимира Янкелевича, позже читала лекции в Сорбонне. Её основная задача — критика философии и философов, разверзших пропасть между животными и людьми. Она — тот редкий философ, что обратился мыслью к царству животных. Э. де Фонтене говорит, что ей стыдно за человечество, которое, вглядываясь в глаза ведомого на смерть животного, произносит: «Но это же только животное».

— Исследования, посвящённые человекообразным обезьянам, доказывают, что обезьяны говорят на своём языке, что они также одарены мета-сознанием (я знаю, что я не знаю). Это делают и дельфины, и крысы...

Э. де Фонтене: Даже если Франсу де Ваалю удалось показать, что шимпанзе способны к некоторой интерсубъективности, человеческая интерсубъективность несколько отличается от обезьяньей.

Подчеркнуть различие между человеком и обезьяной можно, указав на перформативность человеческого языка. Наш язык утверждает и одновременно включает в себя: «Да будет так!»

— Континуизм не признаёт человеческого превосходства. Напротив, дисконтинуизм подчёркивает «собственно человеческое» и отказывается от идеи человека-животного. С кем Вы в конечном счёте?

Э. де Фонтене: Я континуистка — вместе с Лукрецием и его поэмой «О природе вещей», вместе с Дидро и его диалогом «Сон Д'Аламбера». Я дарвинистка, признаю эволюцию. У меня нет с этим трудностей. И, будучи материалисткой, я нахожу истинное наслаждение в том, что мы, Homo sapiens, принадлежим семейству гоминидов, разряду приматов. Но — и я это всегда повторяю — в качестве человека, понимаемого как только животное, я не чувствую ответственности за животный мир. Человек — ответственный законодатель, и в качестве такового он принадлежит миру культуры и истории, которая не сводится лишь к естественной истории. В человеческой истории был скачок, неожиданное возникновение, это и свидетельствует о её автономном характере.

— Животные рассматриваются нами всё время в сравнении. Возникает впечатление, что человек ведёт курсор в свою сторону, животное всегда хуже нас.

Э. де Фонтене: Но есть и замечательная помощь человека животным. Например, сегодня обезьяны научились — благодаря человеку — говорить на языке глухонемых, общаться через компьютер. Это прежде всего человеческие артефакты.

Вот текст Маргерит Дюрас о горилле Коко (исследователь Франсин Паттерсон, снято Барбет Шрёдер): «Это большое животное — ещё ребёнок. Чёрного окраса, оно столь прекрасно в своём уродстве... Коко, такое имя ему дали. Я вспоминаю об Африке, столь непохожей, и столь близкой нам, как другой берег реки... Если нужен какой-то образ, вот он — река. На одном её берегу — антропос. Один. На другом — антропоид. Мы смотрим друг на друга. Между нами миллиарды лет. И одиночество Африки в цепи видов — это уже и наше одиночество».

Потом Маргерит Дюрас говорит об истреблении больших обезьян и делает умозаключение — Африку нужно научить бояться человека. Потом она пишет: «Африка здесь — гигантский младенец, сдавленный своей огромной силой, это Гарбо первых веков, ещё не знающая того, что она Гарбо, но истина такова: Африка являет собой безграничность, вид в его невинности и трагедийности».

Когда утром её спрашивают: „Как дела?“ — она часто отвечает: „Грустно“. Почему „грустно“? Она отвечает, что и сама не знает, почему. Африка говорит — „грустно“, показывая, как текут слёзы по её лицу. Пальцами проводит вниз по щекам, и печаль падает из глаз в центр мира. Чудо — Африка ещё не знает, что она грустна нашей общей грустью, грустью меланхолии, меланхолии по ту сторону всякого знания».

Я спрашиваю саму себя, кем я больше восхищаюсь — Коко или Дюрас?.. Майкл, горилла-сирота, также выучил язык обезьян. Он стал компаньоном Коко. Однажды он показал нам, что он печален. Когда его спросили: «почему?», он нашёл новые знаки: «маму убили, лес, охотники».

Всячески восхищаясь способностями высших обезьян, я, однако, боюсь, что из-за нашего нарциссизма мы забудем о коровах, овцах, свиньях.

— Искусство всегда находило язык, чтобы говорить о животных. Они занимают огромное место в наших древнейших мифах.

Э. де Фонтене: Это правда. Необычайное внимание Леви-Строса к животным связано с его работой над мифами индейцев. Но и в западной культуре мы тоже находим массу примеров. Особенно в живописи: туши животных у Рембрандта и Сутина, заяц Дюрера, белый медведь Жиля Эно, лошади Жерико, обезьяна-скульптор Ватто... И литература о животных — она восстанавливает их достоинство, спасает их тайну и молчание, освобождает из концептуального, зоотехнического рабства. В саду моей библиотеки свободно и соборно обитают летучие мыши Рильке, собака Улисса, слоны Мишле, пёс Каренин Кундеры, скарабей Кафки, лошадь Ахилла, паук Колетт, крысы Гофманстала, собака Баушан Томаса Манна и многие другие. Это маленькие боги, берегущие меня от ухода в абстракцию. От их имени я выступаю против «освобождения животных» (специецизма, — *Т. Г.*) и призываю к реальному и ответственному общению всех живущих на нашей земле. А музыка! Адорно писал, что проповедь св. Антония Падуанского рыбам

конституирует скерцо Второй симфонии Малера: «Музыка воспроизводит поведение животных, она сливается с их закрытым миром, она пытается смягчить проклятие, которое лежит на животных. Она дарит голос тем, кто лишён языка... В своей глубине музыка отражает молчание животных...».

— Некоторые настаивают на том, что животное не интересуется миром как таковым, что оно не созидает произведения искусства, и поэтому мы можем его эксплуатировать. Есть и такие, которые считают, что мучимые в узких клетках животные (индустриальное выращивание) на самом деле не мучаются, «ибо не знают ничего другого».

Э. де Фонтене: Вот вершина хитрого лицемерия. Чувствительность к боли, конечно, зависит от уровня эволюции видов. Вспомним о понятии nociception (ноцицепция), которое означает способность рефлективно реагировать на угрозу разрушения целостности организма. Боль наступает, когда ноцицепция сопровождается эмоцией (я чувствую), страдание же — когда когнитивные и эмоциональные факторы модулируют «я чувствую», когда всё сознаётся. Это возможно на уровне млекопитающих.

К сожалению, проблемой боли занимается Национальный институт аграрных исследований. Цель хорошая — как позволить животным меньше страдать. Но ещё совсем недавно утверждалось, что животное боли не испытывает. Оно — лишь субъект ноцицепции. Ни в коем случае нельзя отдавать вопрос о страдании на откуп зоотехникам. Индивидуумы, представители разных видов, обладают не только окружением, у них есть свой мир, соответствующий их субъективности. Мир, пересекающийся с другими мирами. Если бы правильным образом занялись этологией индустриально выращиваемых животных, то могли бы с большим успехом противостоять аргументам зоотехников с их отрицанием «животной боли».

— Долгое время никто вообще не задумывался о судьбе этих животных. Для некоторых учёных, таких, как профессор Бристольского университета Кристин Николь, цель уже определена: «Наш долг — показать, что животное, которое мы хотим съесть или использовать, — это сложный индивидуум, поэтому нужно по справедливости изменить нашу культуру и условия, в которых растёт это животное».

Э. де Фонтене: Катрин и Рафаэль Ларер пытались определить «норму» отнительного благополучия для животных, живущих с человеком: «При механизированном выращивании, когда животное превращается в некую цифровую данность и гомогенно группируется, оно отрывается от своего социального контекста, теряет связи с ему подобными, а также с человеком». Это значит: контракт одомашнивания более не существует.

Человечество за всё это дорого заплатит. В символическом плане. Живые существа превращаются в товар, который можно совершенно безответственно производить или уничтожать. Меня потрясли истории

с овечкой Долли, а затем кризис, связанный с коровьим бешенством. Животные огромными массами убивались, сжигались, сбрасывались в общие могилы. Эта чудовищная бойня коров, быков, свиней была каким-то архаическим позором и неслыханным скандалом.

Индустриальное уничтожение миллионов животных говорит о том, что наша технократическая цивилизация в основе своей нигилистична. Логика чистого расчёта, деструкция и холодное убийство свидетельствуют о победе смерти.

— Как Вы думаете, произойдёт ли когда-нибудь процесс покаяния внутри монотеистических религий, и вместо «человека — венца творения», мы увидим отношения равной взаимозависимости между человеком и животными?

Э. де Фонтене: У меня нет никаких иллюзий на этот счёт. Вряд ли эти религии преодолеют антропоцентризм. И всё же я с благодарностью отношусь к таким богословам, как Ойген Древерман, Мишель Дамьен и Жан Бастер. Они пытаются освободить католицизм от зоофобии.

— Расскажите о первых обществах защиты животных.

Э. де Фонтене: Первое увидело свет в Англии в 1824 году, потом в США и кое-где в Европе. Они создавались социально активными людьми. В 1845 году возникло SPA (Общество защиты животных) в Париже. В 1850 году был принят так называемый «закон Грамона», по имени кавалерийского генерала Грамона, который организовал общество защиты лошадей.

— Какова была цель этого закона?

Э. де Фонтене: Он был направлен прежде всего против ненужной жестокости, которая развращала и ожесточала зрителей, он также призывал спасать животных, истязаемых человеком, особенно лошадей.

Нужно подчеркнуть тот факт, что феминистки играли важную роль в Англии на рубеже XIX–XX веков, как и во Франции — женщины-социалистки: журналистка Северина (Реми Каролина) (1855–1929), коммунарка и анархистка Луиза-Мишель (1830–1905), которая писала: «Чем более жесток человек по отношению к животным, тем раболепнее он прогибается перед начальством».

Феминистка Мари Уот (1846–1930) — она сражалась против корриды и вивисекции. Её подвиги? Вооружённая зонтиком, она набросилась в Коллеж де Франс на одного учёного, который приступал к вивисекции обезьяны. Вместе со шведским анархистом она напала на двух матадоров парижского округа. Достоин ли заниматься животными, когда столько людей страдают? На этот вопрос она отвечала: нельзя так немасштабно смотреть на вещи. Забота о животных не мешает заботе о человеке.

Наконец, Роза Люксембург. Она писала в тюрьме потрясающие своим состраданием письма. В окно тюрьмы было видно, как прибыл фургон, который тянули быки. «Они были так чудовищно нагружены, было столько мешков, что быки не могли переступить высокий порог. Сопровождавший солдат нещадно хлестал их своим кнутом. Наконец им удалось преодолеть препятствие, но один из быков кровоточил... Пока разгружали воз, быки стояли неподвижно, у того, который кровоточил, было мрачное лицо, его глаза — чёрные и кроткие — казались глазами плачущего ребёнка. Ребёнка, который не понимает, за что его наказали, не знает, как убежать от грубой жестокости, как не страдать... Я была рядом с ним, животное меня разглядывало, слёзы текли из моих глаз, это были его слёзы. Мой бедный бык, мой любимый брат, мы оба беспомощны, оба отупели от страдания, и наша боль, наше бессилие, наша тоска соединяют нас в одно существо».

Шопенгауэр говорил о жалости и сострадании, он ссылаясь на индийскую мудрость, на философию Упанишад: «тат твам аси», «то ты еси». Ты, человек. Живое существо. Ты — манифестация всего того, что воспроизводится в животных и растительных формах.

Но эта манифестация единства не имеет ничего общего с эмпатией, о которой сегодня так часто говорится. Строго говорил об этом понятии лишь Гуссерль. Понимание психики животных основано на *Einfühlung*, вчувствовании, эмпатии, не имеющей ничего общего с лёгкой наивностью антропоморфизма. Несмотря на моё восхищение Шопенгауэром, я не являюсь его последовательницей. Мне кажется опасным связывать заботу о животных с какой-либо метафизикой, предпосылки которой не ясны многим. Не нравится мне, что он заботился о животных, но был мизогинном и антииудеем.

— В XVIII веке резко возрастает внимание к страданиям животных. Сострадание берёт верх над рациональностью?

Э. де Фонтене: Это верно, XVIII век — век чувственности, но он очень мало размышляет о статусе живого, которое чувствует и страдает. Лишь в XIX веке ментальность меняется. Текст Бентама, написанный в 1789 году, произвел революцию лишь в XIX веке. Во всяком случае, именно Руссо ставит фундаментальную проблему: «Если я не должен причинять зло моему ближнему, то прежде всего потому, что он чувствует, а не потому, что рефлектирует. Чувственность принадлежит как человеку, так и животному. Поэтому ни один из них не имеет права мучить другого».

Руссо пишет, что всё живое объединено чем-то, что глубже рефлексии. Это — жалость, «естественное отвращение при виде какого-либо страдающего существа». Кроме того, Руссо говорит об анатомическом различии между травоядными (у них плоские зубы) и мясоедами (у них клыки). И он напоминает, что у травоядных есть ободочная кишка, которой нет у хищников. Значит, человек, обладающий зубами и кишкой травоядных,

должен быть отнесён к их классу. Хищники сражаются за то, чтобы овладеть своей добычей, плодоядные же живут в мире. Руссо спрашивает — что было бы, если бы человеческий род перестал есть мясо, ведь, судя по зубам и кишечнику, он создан именно для этого?..

— Уже существует Всеобщая декларация прав животных, провозглашённая 15 октября 1978 года в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже и доработанная в 1989 году.

Э. де Фонтене: Да, но она слишком антропоморфична.

Клод Леви-Строс отличился в 1976 году по-настоящему антигуманистским ресентиментом, когда выступал перед комиссией Национальной Ассамблеи. Его пригласили «рассказать о свободах», а он предложил сменить права человека на «права живого». И никто не может обвинить Леви-Строса в «витализме». Потому что он всегда исходит из *формы* и из *символического*, они определяют живую и индивидуализированную материю.

Нужно создать синергическую связь между этологией и экологией. Вот задача будущего.

Филип Девайн, следуя за Витгенштейном, говорил, что с животным нас соединяет язык. Нужно доверять их языку, тогда мы признаем и их права. Ведь язык — это не только орудие познания, это и способ выразить — крик, восклицание, требование. Боль — не объект познания, это выражение. Без всякой метафизики, прямо и непосредственно мы убеждаемся в том, что животное страдает.

— Я хочу поговорить о деструктивном импульсе. Согласно профессору Роберту Харрисону, существуют такие психологические силы, которые превосходят наши материальные нужды, — утоление голода или хозяйственные проблемы: «Слишком часто наша агрессивность против природы и животных скрывает в себе разнузданную ярость и месть, мы проецируем на естественный мир свои невысказанные страхи, свою конечность, обречённость на смерть. Так мы пытаемся забыть о мучительной жестокости судьбы».

Э. де Фонтене: Роберт Харрисон предлагает идею биотической общности, т. е. этики земли. Хочу откликнуться, прочтя отрывок из книги «Корни неба» Ромена Гари: «Как-то раз мне в пьяном виде исповедовался один американский писатель, который постоянно наезжает в Африку, чтобы застрелить свою порцию слонов, львов и носорогов. Я спросил, откуда у него такая потребность, а он выпил достаточно, чтобы ответить откровенно: „Всю жизнь я подыхал со страху — перед жизнью, перед смертью, неизбежной старостью, боялся заболеть, стать импотентом... Когда страх становится невыносимым, он весь воплощается в носорога, который вдруг выскочил передо мной из травы и бросается на меня, или в бегущего в мою сторону слона. Мой ужас тогда становится чем-то осязаемым, чем-то таким, что можно убить. Я стреляю и на какое-то время спасён, в моей душе покой»;

застреленный зверь со своей смертью уносит все накопившиеся во мне страхи, на несколько часов я от них свободен“» (пер. с фр. А. Зверева).

— Для этнолога Клода Леви-Строса гуманизм, вытекающий из картезианства и иудео-христианства, несёт на себе ответственность за угнетение животных. Он не устал говорить, что неуважение к животным открывает двери для проявления самого худшего в человеке... Присвоив себе право радикально противопоставлять человеческий и животный миры, приписывая одному всё то, что отнималось у другого, западный человек дал начало проклятому циклу и удовлетворению нужд коррумпированного и самовлюблённого человечества.

Э. де Фонтене: Это великолепный текст, который мы находим в статье о Руссо. Западный человек предпочёл себя самому всякому другому созданию, он присвоил себе право выражать своё неограниченное самолюбие, свою самовлюблённость, будучи мужчиной (а не женщиной), будучи европейцем, будучи собственником. И этот эгоизм, этот нарциссизм со времён Декарта соединён с суверенной субъективностью *cogito, je suis, je existe*. Этот солипсизм и эгоизм человеческого, который вытеснил другое глубокое чувство — идентификацию с другим и даже с наиболее другим, т. е. с животным, конституируют основание современного варварства.

— Философ Флоранс Бюрга говорит: индуистско-буддийская доктрина ахимсы — это то, что отличает нас от заповеди «не убий» Библии. Ганди подчеркнул, что ахимса — расширение библейской заповеди и на животный мир. И животные — наш ближний. В том, что на Западе «ближний» понимается в усечённом варианте, его человеческое несовершенство.

Э. де Фонтене: Да, это вопрос фундаментальный. В десяти заповедях убийство человека — это преступление, а животного — нет. Жак Деррида в одном интервью, данном Нанси, говорил о субъекте. О субъекте познания, воли или права. И о животном. Он подчеркнул, что Левинас перевернул субъективность, для него, что неожиданно для всей европейской мысли, субъект — это заложник, а не некто автономный и свободный. В этической перспективе субъект целиком открыт и зависит от другого. Он прежде всего ответствен за другого, а потом уже за себя самого. Но эта ответственность, говорит Деррида, никогда не распространялась на всё живое. Заповедь же должна звучать так: «Не убий всё живое». «Другой» в европейской этике — это только человек. И никогда — животное.

— Почему Франция всегда запаздывает в вопросе о животных? И в сфере преподавания, и в сфере права, и в сфере культурных предпочтений?

Э. де Фонтене: Страны наиболее богатые — это страны протестантской культуры. Они больше занимаются правами животных, чем страны

католические. Уже тридцать лет я призываю к созданию государственного секретариата по делам животных, чтобы положить конец неразберихе и перекалыванию ответственности на министерства сельского хозяйства, здравоохранения, юстиции, культуры. Во Франции множество срочных реформ блокировано сельскохозяйственно-продовольственной индустрией, мясным лобби. А также всесильным лобби охотников, хоть охотников и не много, всего два процента всего населения.

3. Обнаруженные животные

Борис Цирюльник (Boris Cyrulnik, род. в 1937 г.) — французский этолог, психиатр, основатель целого направления исследований в области человеческого поведения. Стал сиротой в 6 лет. Свои первые дружеские отношения построил с животными. В 12 лет его потряс фильм о жизни естествоиспытателя и энтомолога Жана Анри Фабра (1823–1915). Цирюльник начал заниматься исследованиями, посвящёнными психологии животных, изучением чувств и привязанностей у обезьян. Но он быстро охладевает: в то время «исследование» сводилось к составлению скучных статистик и было сопряжено со страданием животных во время экспериментов. В 1969 году бихевиоризм занимает все умы, — господствующее направление в культуре отрицает животное начало в человеке, а животное рассматривается как машина. Цирюльник увлечён новой дисциплиной — этологией. Она родилась в 1930-е годы, но была малоизвестна во Франции. Этология изучает человека и животное в их естественной среде. Вот путь освобождения, путь масштабных откровений. Борис Цирюльник работает на перекрёстке дисциплин: нейропсихологии, психоанализа, психотерапии, этологии. Он также известен как писатель, просветитель, педагог.

— Немецкий философ Жан-Клод Вольф, занимающийся этическим измерением отношений животного и человека, подчёркивает, что воображение играет в данном вопросе особую роль.

Он спрашивает: что чувствуют лошади, отправленные на бойню, когда их везут через всю Европу? Как чувствуют себя поросята в переполненных вагонах? Силой воображения мы можем поставить себя на их место и сочувствовать им. Животная этика — не обращается ли она сегодня к взрослым с атрофированным воображением?

Б. Цирюльник: Чтобы понимать животное, нужно думать так, как думает оно. В течение длительного времени человек не наблюдал за животными и отказывал им во многих чувствах. Этология основана на воображении: нужно делать гипотезы, принимать различия, оправдывать открытия. Нужно забыть о себе. Эмпатия была в центре исследований приматолога Джэйн Гудолл, когда она отправилась изучать шимпанзе на берег Танганьики

в танзанийском заповеднике. Это было в начале 1960 годов. Её работы произвели революцию, изменившую наш взгляд на животных, мы по-новому задумались о нашей моральной ответственности перед ними.

Джэйн Гудолл сделала интересные открытия, она наблюдала за использованием орудий, за «войнами» в среде обезьян, она наблюдала, как запрещается инцест, за ритуалами в обезьяньем общении. Она наблюдала, как мамы обучают малышей и впоследствии воспользовалась сама этим опытом (в воспитании сына). Но прежде всего она придумала новую методологию работы, которая позволяла обезьянам жить в своём естественном окружении, пользуясь полной свободой. Она поместила себя в их среду (что раньше запрещалось механистическими традициями университетских исследований), она дала обезьянам имена, выстроила с ними дружеские отношения. Вслед за ней так же действовали и её единомышленники: Дайан Фосси с гориллами, Бируте Галдикас с орангутангами, Ширли Штрум и Тельма Роуэлл с бабуинами, Синтия Мосс со слонами. Эти женщины тотально изменили отношение науки к животным, открыли индивидуальность и личность животного. Там, где их коллеги-мужчины видели лишь агрессивность, доминирование самцов, постоянную конкуренцию и строгую иерархию, женщины-исследовательницы обнаружили полнокровные социальные отношения, сложные связи, где самки играли свою роль, где присутствовали сострадание, мораль, сильные эмоции.

— В конечном счёте — объективность не существует вообще?

Б. Цирюльник: Нет, существует, но это *мы* создаём существующий объект. Если бы мы не наблюдали его, он был бы другим...

Существует множество примеров. Сравним, например, заметки англичанина Дарвина и русского натуралиста и географа Петра Кропоткина. Оба обладали огромной культурой и знаниями. Но Дарвин изучал природный мир маленьких островов, где царили отношения подчинения и господства, конкуренция возникала из-за недостатка пространства.

В случае Кропоткина животные, имеющие достаточно пространства, не ссорились друг с другом, напротив, между ними возникали отношения солидарности.

— Как этология изменила нашу теорию «животных-машин»?

Б. Цирюльник: В начале XX века животных ещё рассматривали как механизмы. Эту точку зрения изменил Якоб фон Иксюль в начале 1930-х годов. Он заинтересовался целым организмом, а не редуцированными проявлениями отдельных органов. Он создал концепт «окружения» (Umwelt), т. е. мир животного как мир некоей отдельной субъективности. Каждый вид обладает особой, только ему присущей «системой» перцептивных возможностей, своим зрением, обонянием, слухом и т. д.

В это время процветал бихевиоризм (основатель — Джон Уотсон), где человек и животное были просто машинами и изучались в искусственных условиях.

Животные были сложными машинами, которые реагировали на звуковые, световые, электрические сигналы. Они были изолированы в «ящиках», где у них отнималась малейшая инициатива. У бихевиористов существовал универсальный принцип-отмычка для объяснения любого поведения.

— Этология — это реакция на бихевиоризм?

Б. Цирюльник: Конечно. Конрад Лоренц, Николас Тинберген и Карл фон Фриш были основателями этологии в 1930-е годы. Все они получили Нобелевскую премию по медицине в 1973 году. Они воспользовались базовой идеей Иксюля, предпочитавшего наблюдать животных в их естественной среде. То, что они стали нобелевскими лауреатами, придало вес их начинанию.

— Хорошо, человечество признало человекообразных обезьян и слонов. Но кроме них есть сороки и свиньи. Они тоже имеют социальную память, умеют обманывать и сострадать, могут сообщить о своих намерениях, они креативны... Спросим ещё раз — для чего все эти научные исследования, если они не облегчают судьбу животных? Статус животного остаётся всё тем же: это объект и мы им владеем.

Б. Цирюльник: Закон сегодня всё же в большей степени защищает животных, чем это было раньше. Но надо признать, что он действует только там, где не мешает человеку и его проектам. Нам нужно ещё очень многое сделать. Это правда.

В Европе животное получило статус чувствующего существа согласно Амстердамскому договору. Но использование этого закона варьируется от страны к стране.

Мы знаем, что отмена рабства в XVIII–XIX веках принесла убытки богатым хозяйственникам того времени. Действительно, отмена рабства угрожала росту цен на сахар! Страдание животных надо рассматривать в том же контексте: на первый план выходят неопровержимые экономические аргументы.

Встретив индейцев в Америке, Кортес думал, что это не люди, поэтому их можно эксплуатировать и убивать.

«Говори, и я тебя крещу!» — так восклицал знаменитый кардинал Полиньяк, поэт и дипломат XVIII века, обращаясь к пойманному в клетку орангутангу в парижском Саду растений (Jardin des plantes de Paris).

— Детский психиатр Гэйл Мелсон спросил у ребёнка: «Хорошо ли убивать животных?» «Конечно, нет», — ответил ребёнок, жуя гамбургер. Но собаки и коты, например, остаются животными, которых не употребляют в пищу. Забавно отправиться в компании на рыбалку или охоту,

но немислимо стрелять в бродячую кошку. Коровы, свиньи, овцы, отслужившие своё, каждодневно миллионами посылаются на бойни.

Б. Цирюльник: Увы, это так. Трудно говорить об аморальности этих убийственных поступков, поскольку они бесконечно повторяемы, институционализированы и рассматриваются нашим обществом как что-то нормальное.

— Вы писали о трибуналах в Средние века. В то время считалось, что у животных есть душа. Они имели адвоката, значит, у них были какие-то права?

Б. Цирюльник: У животных была душа, но сильно отличающаяся от человеческой. Человек был наделён душой бессмертной, животные же, порабощённые законом и злом, обладали лишь чувствующей душой. Платон говорил о трёх видах души. Одна, бессмертная и божественная, размещалась в мозгу, она принадлежала лишь человеку. Чувствующая душа предполагала существование аффектов и разумных страстей. Она располагалась в сердце. Растительной душой обладали все: и растения, и животные, и люди.

До самого Просвещения (XVIII в.) мы находим сообщения о судах над животными. Их арестовывали, сажали в тюрьму, судили и казнили, думая, что в них живёт дьявол. Так, есть мышей в воскресенье было для кота смертным грехом и преступлением. Его ждала виселица.

Воображение человека не знает границ, и от идеи зла, скрывающегося в животных, в XVII веке перешли к идее, что животное — это машина.

— Но сегодня животные уже рассматриваются как личности?

Б. Цирюльник: Я бы не сказал, что как личности, но скорее как индивидуумы. Личность — это говорящий субъект. Животные — это индивидуумы со своими темпераментами, со своим развитием. Но чтобы рассказать о своей истории, они должны изобразить (репрезентировать) нам самих себя. У животных есть чувство самих себя. Но для истории нужны образы и слова.

— Но я не согласна с Вами. Психолог и приматолог Роджер Фоутс, обучавший обезьян языку знаков, пишет о том, что обезьяны обмениваются между собой знаками и тогда, когда нет людей. Они описывают своё отношение к миру, «говорят» о своих эмоциях. Учёные зафиксировали эти разговоры. Знаменитая шимпанзе Уошо приветствовала своего приёмного сына: «Иди, обниму тебя! Быстро!».

Б. Цирюльник: Изобретение знаков стало для обезьян способом выразить свои эмоции, для нас, людей, — это ключ к их пониманию. Подобно Уошо и Лули, мы знаем матерей-орангутангов, обучающих своих детей языку знаков. Обезьяны перестают быть рабами своего контекста и входят в мир произвольно детерминированных обозначений. Мы действительно можем говорить об истории.

— К чёрту тогда все «слова», зачем эта порабощающая нас с древности маркировка?

Б. Цирюльник: Приматы не могут говорить только из-за механических причин, — у них иначе устроено горло.

— Физиолог и биолог Джаред Даймонд предложил причислить нас, людей, к семье шимпанзе. Это для нашего смирения.

Б. Цирюльник: Биологически это верно. Человек — это примат из группы гоминидов. Существует гораздо меньше различий между обезьяной и человеком, чем между мужчиной и женщиной. Ведь у мужчины каждая клетка включает XV-хромосомы, а у женщины — XX. Я не вижу причин, почему нас не записывают в одно семейство с шимпанзе. И моя гордость совсем не страдает.

— Кажется, что насилие в отношении к животным — это некая константа человеческой истории. Согласно детскому психиатру Гэйлу Мелсону, для западного отношения к одомашненным животным жестокость — это нечто нормальное, и призывы к бережной любви чрезвычайно редки.

Б. Цирюльник: Насилие лежит в основе отношения человека к животному миру. У наших предков насилие начиналось с применения соответствующего орудия. Техника убийства неустанно совершенствовалась: от простого камня, от дротика до изошрённых машин, — человек обрёл огромную власть над животными.

Не забудем также, что долгое время мы были антропофагами. В ритуальном качестве антропофагия практиковалась охотниками и собирателями на всех континентах.

— В XIX веке бойни, которые находились внутри городов, были вынесены за их пределы, чтобы защитить глаза и уши чувствительного человечества и избавить людей от чувства вины.

Б. Цирюльник: Существует тенденция не быть жестокими с животными, чтобы не волновать людей. Джон Локк и Иммануил Кант говорили, что к животным нужно проявлять некоторую жалость, чтобы не испортить хорошего отношения к людям.

Шопенгауэр же думал иначе. Для него человек — это «бес», а животные — «истязаемые души». Он пишет: «Общества защиты животных всегда выдвигают один и тот же аргумент: нельзя быть жестокими в отношении к животным, потому что это ведёт к жестокости в отношении к человеку. Как будто бы человек в чистом виде — объект морального долга, животное же только в опосредованном. Как будто животное — просто вещь».

И всё же нравы меняются очень медленно. Например, понадобилось 20 лет борьбы, чтобы в XVIII веке запретить знаменитые «bullfightings»

в том виде, когда собаки натравливались на привязанного быка или медведя. Борьба эта активно велась реформаторами, борцами против рабства!

Возвратимся к бойням. Когда индустриальное развитие позволило механизировать убийство, бойни объявили закрытыми для публики. Всё было сделано для того, чтобы создать дистанцию между человеком и животным, и снять с человека чувство вины.

В начале XX века Эптон Синклер, один из социалистских лидеров, опубликовал расследование об адских условиях нахождения зверей и людей на бойнях Чикаго. В 1964 году интенсивное выращивание было описано английской писательницей Рут Харрисон. Эта книга возымела своё действие. В Англии собрался учёный совет, задачей которого было продумать ситуацию с животными. Естественно, нужно было ждать 15 лет, чтобы были сформулированы фундаментальные принципы содержания животных.

Животные не должны голодать, страдать от жажды, страха, подавленности, от физического и температурного дискомфорта, от боли, от ран, от болезней и т. д. Эти правила были более или менее признаны в 1970 году, но на практике муки животных продолжают и по сей день.

Доказательство: директивой Европейского Совета от 22 декабря 1993 года о защите животных в момент их убийства (её цитируют Флоранс Бюрга и Жан-Пьер Маржено) постановлено: «Запрещается наносить животному удары и бить его в особо чувствительные места. Запрещено ломать, скручивать шею, надавливать на глаза. Все грубые удары, например, удар ногой, запрещены».

— Если Совет публикует в таких подробностях подобные запреты, то можно сделать вывод, что эти жестокие действия — не такая уж редкость.

Б. Цирюльник: Да. Уже в 2008 году Совет Европы вновь публикует правила отношения к животным, где указано: «избавить — насколько это возможно — животных, обречённых на заклание, от боли, подавленности, страданий». Да, животные у нас ещё рассматриваются как неживой материал, и никакие правила здесь не помогают.

Акт жестокости стал считаться преступлением в 1963 году, в 1976 году животное было признано существом чувствительным. Но во Франции животное по сей день остаётся собственностью хозяина, который может делать с ним всё, что угодно. Хотя Римский договор, называющий животных «товарами и продуктами агрикультуры», сменился в 1997 году Амстердамским, требующим уважения к животным как «к существам, умеющим чувствовать».

Увы, Франция отмечена отставанием. Она отстала от Швейцарии, принявшей постановления, где просто и ясно сказано: животные — это не вещи. Она отстала от Германии, где права животных занесены в Конституцию. В Австрии запрещено держать собаку на цепи. Великобритания,

Италия, Люксембург, Швеция — во всех этих странах признали внутреннее достоинство животного. Достоинство, которое требует защиты.

Но во все эпохи экономическая выгода перевешивала все остальные критерии.

Со времён античности животноводство стремилось любой ценой извлечь максимум прибыли, нещадно эксплуатируя животных. Впрочем, латинское слово *pecunia* (деньги) происходит от *pecus* — скот. И как об этом уже писала Франсуаза Арменгод, в античности существовали рецепты животноводства, очень напоминающие то, что делается в современных индустриальных обществах. Возьмём пример из I века. Римский агроном Колумелла так рекомендовал выращивать кур для того, чтобы они быстрее набирали вес: нужно, «чтобы куры не ходили по земле, содержались в очень тёплом помещении, мало освещённом, чтобы находились в тесной клетке, которая мешала бы им перевёртываться».

Логика выгоды всегда инструментализирует животных. Экономические системы не пощадили ни человека ни животных. Только сегодня страдания животных возросли в разы, поскольку возросло мировое производство мяса и молока. И она растёт дальше, ибо к мясоедам присоединяются развивающиеся страны.

Но одновременно меняется и человеческая ментальность. По требованию французского министра сельского хозяйства в Национальном институте сельскохозяйственных исследований (INRA) был разработан текст, касающийся страданий животных. И сделан недвусмысленный вывод: невозможно относиться к животным только с позиций экономики или санитарии. Проблема их страдания стала сегодня гражданской и общественной проблемой, и проблемой потребителей.

— Когда вдруг животная продукция стала заботой науки?

Б. Цирюльник: Это произошло в середине XIX века. Зоотехника появилась во Франции. Возникла доктрина, заменяющая животных-помощников в работе на животных как носителей прибыли. Короче — зоотехника оптимизировала физиологические особенности животного, превратив его в живую машину.

Эта тенденция стала взрывной к 1960 году, под влиянием банков и продовольственной индустрии. В это время появляется выращивание на «батареях». Результат: более 50 миллионов животных ежедневно уничтожаются на наших европейских бойнях, 16 тысяч в минуту — на американских, 3 миллиона — на французских. Мы живём в мире, где эмоциональные отношения между людьми и животными катастрофически разрушены. В этом мире сознательно не хотят знать правды о животных.

Подготовка материала *Татьяны Горичевой*